

влияния польского языка, не противоречит предположению о первичности текста, написанного латиницей. Как известно, звательная форма (звательный падеж) существительных – это особенность всех славянских языков. Но в старорусском языке она к XVII веку уже используется крайне редко. А в говорах, давших начало белорусскому языку, она использовалась и в XIX и в XX вв. и зафиксировалась в белорусском литературном языке.

В кириллическом тексте находим многочисленные случаи написания гласных переднего ряда после шипящих, что явно противоречит фонетической системе старобелорусского языка (найяснѣй(шій), выѣхавши. В тексте, написанном латиницей, как раз эта особенность сохраняется (nayaśnieyszy, wyiechawszy).

И, наконец, нельзя обойти вниманием проявляющийся при сравнении двух текстов факт отсутствия в кириллическом издании фрагментов текста, которые присутствуют в тексте, написанном латиницей, и несут в себе достаточно резкое социально-политическое звучание, и поэтому Ю. Немцевич не включил их в польский перевод, а, следовательно, они не оказались и в кириллическом тексте Н. Костомарова. Так, после слов, что немцы «до насъ влезли противъ праву нашему» (в тексте, написанном латиницей, – *naszomu*) в рукописи из библиотеки Хрептовича идет фраза: «*Od ich Starszyie naszymy pokłony Smolenskiie. Predirayte oczy lipsze niż o Inflanty, bo tyie mieczniki kak wlezut, to ich I zublom ne wykuryysz iak pszczoly od miedu*». (Здесь: *Inflanta* – лекарственное растение (*Lobelia inflanta* L.), которое активно влияет на дыхание и при больших дозах может привести к его остановке). В издании Н. Костомарова этого фрагмента нет. Скорее всего, его не было и в первоначальном документе, который был в распоряжении издателя. Иначе Н. Костомаров несомненно оставил бы его даже с идеологической точки зрения.

Обобщая фрагментарно представленные здесь наблюдения и размышления, следует признать, что, казалось бы, широко известный, хрестоматийный памятник белорусской письменности и ранней белорусской литературы «Речь Ивана Мелешки...», на самом деле таит в себе сегодня больше вопросов, чем ответов и нуждается в тщательном комплексном исследовании, которое позволит получить объективные, верифицированные выводы относительно авторства документа, истории его создания, социально-исторического и конфессионального фона, графических, лингвистических, литературоведческих и этнологических особенностей.

1. Акты, относящиеся къ истории южной и западной Россіи, собранные и изданные Археографической комиссіей. Томъ второй / [ред. Н.Костомаров]. – СПб, 1865. – 312 с.
2. Бірыла, М. В. Беларуская анамастыка / М. В. Бірыла. – Мінск, 1966. – 328 с.
3. Прашкович, Н. И. Прамова мялешки и лист да Абуховіча – новый этап в истории белорусской литературы / Н. И. Прашкович // Труды отдела древнерусской литературы. XXIV. – Изд. : Наука, 1969. – 416 с.
4. Старабеларускія парадыйна-сатырычныя творы “Прамова Мялешкі” і “Ліст да Абуховіча” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studopedia.ru/1-90530.html>. – Дата доступа: 17.03.2023.
5. Сумцов, Н. Ф. Речь Ивана Мелешка как литературный памятник / Н. Ф. Сумцов // Киевская старина. Том XLV. – 1894.
6. Мелешко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://familio.org/surnames/81477e0c-ab51-40cc-b436-e85302fc33d5>. – Дата доступа: 17.03.2023.
7. Wiszniewski, M. Historja literatury polskiej, tom. VIII / M. Wiszniewski. – Kraków, 1851. – 510 с.

Булыгина Т.А.

К ВОПРОСУ О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Социальная история в XXI в. поднялась на новую ступень понимания в контексте как строго научного знания и как социально ориентированного знания [8]. Социальная история сегодня аккумулирует все историческое знание об истории экономики, политической и культурной истории. Это связано с антропологически ориентированной историей, когда все основные направления исторической науки рассматриваются с позиций активной роли человека. Социальная история как история общества включает в себя человека как единицу этого общества, и именно человек осуществляет функции политики, экономики, культурная и интеллектуальная наполненность общества осуществляется человеком. Такое проникновение человека в исследовательские области исторического познания вернуло людей эпохи постпостмодернизма к задаче возвращения целостного знания через целостность человека: «От человека, затерянного в массе, происходит возвращение к <...> конкретному маленькому человеку, деятельность которого лежит в основе движения любой социальной системы, иными словами, возвращение к проблеме целостного человека в единстве его социальных, психологических и биологических свойств...» [7, с. 8].

Внимание к социальной истории раскрыло эвристические возможности познания прошлого через историю повседневности. На наш взгляд, культурно-интеллектуальная история, как и история

повседневности, кроме того, актуализировали вопрос о соотношении макро- и микроистории в изучении того или иного общества как предметных областей, так и средств исторического познания.

В связи с таким подходом социально ориентированное знание истории как мировой, так и отечественной, направленное на формирование и поддержание национальной идентичности, также расширяет свои возможности. Оно находит в прошлом своего народа «свое – чужое» через конкретных людей и их взаимоотношения, выявляет ментальные связи с современностью, являясь инструментом создания национального единства.

Антропологический поворот и выход на новую социальную историю, со всей очевидностью, ставит по-новому проблему источниковедческого анализа. Во-первых, именно социальная история раскрыла несостоятельность позитивистского деления источников на «главные» и «второстепенные». В ряде случаев законодательные и другие официальные источники уходят на второй план перед лицом источников личного происхождения, фольклором, беллетристикой и публицистикой. К примеру, такая тема, как коллективный портрет представителей того или иного локального сообщества вплоть до социальной группы предполагает комплексное изучение биографических данных – от словарей до послужных списков и учетных карточек, т.е. документов «по личному составу», – источников личного происхождения, художественной литературы и проч. Очевидно, что официоз в данном случае занимает не очень много места.

Во-вторых, социальная история, наряду с другими направлениями, демонстрирует эффективность комплексного подхода к анализу источников. Чем обширнее комплекс, тем более подробный, более приближенный к прошлой реальности фрагмент мы можем реконструировать. Обратимся к серии сборников «Голоса из провинции» [3; 4; 5]. Основой сборников были заявления не только отдельных жителей, но и представителей отдельных групп региона во власть в разные периоды его истории. Они составляют от трети до четверти всех опубликованных документов. Так, в феврале 1918 г. к губернской власти Ставрополя обратились владельцы аптек города с просьбой помочь урегулировать цены на медикаменты [3, с. 35]. Имеются обращения извозчиков, а также жителей отдельных сел и районов города Ставрополя. Однако наряду с этим в сборнике приводится переписка общественных организаций с местной властью, договора граждан с властью, к примеру, договор крестьянина о передаче его автомобиля в пользование союза потребительских обществ [3, с. 37]. В целом обращения граждан во власть сами уже представляют громадное многообразие: жалобы, доносы, уведомления по типу справок, просьбы, официальные заявления – и все они содержат богатую информацию о социальной жизни наших предшественников, в том числе и латентную. Поэтому необходимость изучения микро- и макросоциальной истории актуализирует тезис о диалоге исследователя с источником и его создателями. Наряду с этим использованы докладные, отчеты, распоряжения, информационные сводки, которые дополняют образ социальной реальности конкретного времени. Отдельным разделом представлены фотодокументы не как иллюстрации, а как полноценный источник воссоздания социальной жизни населения Ставрополя.

Таким образом, одним из важнейших условий реконструкции явлений и событий социальной истории является комплексный подход к источниковой базе подобного исследования. В частности, выявление «своего – чужого» в социокультурном пространстве Северного Кавказа потребовало использования различных видов источников – от записок путешественников, художественных произведений, писем служебного и личного характера, до рапортов, докладных записок, проектов и правительственных указов [3, с. 37].

В современной историографии новейшего времени особое место занимают устные источники. Опросы свидетелей и очевидцев по новейшим методикам с фиксацией на цифровых носителях являются богатейшим источником для исследований исторической памяти, которая рассматривается как существенная составляющая социальной истории. Более того, в комплексе с изучением фольклора, вещественных источников и фото- и кинодокументов, архитектурных памятников, мест памяти устные источники помогают реконструировать прошлую повседневность.

Мы видим, что микроистория, – не только как метод, но и как составляющая социальной истории, включающая повседневность как точку рождения тенденций социальной истории и как точку преобразования этих тенденций в социальную реальность, – требует разработки других типов источников, помимо письменных. Фольклор как устный источник, куда входят не только сказки, пословицы и песни, но и слухи, байки, анекдоты, приоткрывает некоторые стороны прошлой повседневности, особенности социального бытования. В такой же степени ценны вещественные источники, которые несут тепло давно умерших людей, архитектура городских застроек – от храмового строительства до русского барокко гражданского строительства, от модерна и конструктивизма, до «спальных» районов в городах во второй половине XX в.

Сегодня, благодаря обращению к социальной истории, при анализе источников особое внимание стало уделяться методам семиотики культуры. Пережив шок постмодернизма, историки открыли для себя не только лингвистический поворот, который поставил проблемы языка различных социальных групп – от элиты до «безмолвствующего большинства», у которого, оказывается множество разных языков, открывающих богатую социальную действительность далекого и близкого прошлого. Семиотика как знаковая система раскрыла историкам возможные источники изучения коммуникаций в социуме.

Социальное пространство, в котором человек действует, чувствует и формирует свои представления о мире, его поведенческие, культурные и иные практики сопровождаются исполнением/неисполнением социальных и иных ролей, отображением этого пространства с помощью ритуалов, письма, игры. Среди источников, помогающих расшифровать это многослойное, сложное пространство, привлекаются фотографии: «Фотоснимок представляет элемент визуальной коммуникации, но это не готовое визуальное сообщение, а материал для его создания – наряду с комментарием или подписью» [2, с. 9]. В сочетании с другими источниками фотографии «читаются» методами семиотики и расширяют творческие возможности интуитивного воспроизведения прошлого. Не менее значительной в этом отношении является и историческая расшифровка языка кинематографа. Некоторые исследователи уже обратились к кино как историческому источнику [1; 6]. Кинофильм как исторический источник требует междисциплинарного подхода, также пришло время более или менее четкой классификации этого типа источников и его полного атрибутирования. Сегодня началась разработка теоретико-методологических основ и исследовательского инструментария изучения таких источников.

В связи с разработкой социальной истории встает еще один вопрос. Это обновление взгляда на так называемые «низовые» источники, т.е. первичные архивные документы из региональных и местных архивов. Мы их определяем как источники местной истории, хотя это не совсем точное определение, – ведь информацию о местной истории мы находим и в центральных архивах, – но, на наш взгляд более корректное. Речь идет о документах, отражающих социальную жизнь локальных микросообществ: крестьянских сходо́в, местных земств, колхозов, школ, первичных ячеек партийных, профсоюзных и иных общественных организаций, коллективов заводов и больниц.

Эти источники более адекватно отражают реальность данного периода в ее первичной форме. Они составляли базу для обобщенных отчетов, докладов, донесений разных уровней. Продвигаясь по бюрократической лестнице, они теряли свою первичность под воздействием разных обстоятельств – от желания улучшить картину подведомственных регионов до элементарных ошибок. Редактирование и унификация обобщенных отчетов также влияли на информацию «снизу». Источники первичного звена носили более частный, приближенный к микросообществу характер, содержали большое количество данных из жизни местного общества, в них в значительной мере отражалось персональное влияние. Все это делает такие источники ценным материалом для изучения социальной истории.

Здесь затронуты лишь некоторые вопросы изучения источников социальной истории, которые в некоторой степени определяют пути развития отечественного источниковедения.

1. Афанасьевская, Н. В. К вопросу о языке фотографии / Н. В. Афанасьевская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 1. – С. 332–341.
2. Бойцова, О. Ю. Любительская фотография в городской культуре России конца XX в. (визуально-антропологический анализ) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / О. Ю. Бойцова. – СПб., 2010. – 26 с.
3. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917–1929 годах : сборник документов. – Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2009. – 760 с.
4. Голоса из провинции: Жители Ставрополя в 1930 – 40-х годах : сборник документов. – Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2010. – 410 с.
5. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1941–1964 гг. : сборник документов. – Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2011. – 696 с.
6. Егоров, С. О. Кино, история, идеология: возможные подходы к интерпретации кинотекста / С. О. Егоров // Исторический курьер. – 2022. – № 5 (25). – С. 11–20. – Режим доступа: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-5-01.pdf>.
7. Ким, С. Г. Историческая антропология в Германии: методологические искания и историографическая практика / С. Г. Ким. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – 196 с.
8. Маловичко, С. И. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцев. – Орехово-Зуево: изд-во МГОГИ, 2013. – 252 с.
9. «Свое – чужое» в социокультурном пространстве Северного Кавказа : хрестоматия / отв. ред. Т. А. Булыгина. – Ставрополь : изд-во СКФУ, Дизайн-студия, 2016. – 366 с.